

**ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ «НАШИХ ЗАДАЧ»
(К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ВЗГЛЯДОВ И. А. ИЛЬИНА
И ИДЕОЛОГИИ ФАШИЗМА)**

Несмотря на то, что факт симпатий И. А. Ильина к идеологии и практике ряда фашистских режимов начала XX в. широко известен, проблема фашистского влияния на его политическую философию остается практически не изученной. В статье дается анализ этого влияния, основанный на сопоставлении политических концепций фашистских идеологов и поздних статей И. А. Ильина.

Ключевые слова: политическая философия, консерватизм, корпоративизм, фашизм, политическая система, социальное и политическое неравенство, социальная справедливость, демократия, диктатура,

Философскому наследию И. А. Ильина в последние годы выпала нетипичная для нашей эпохи судьба: оно стало предметом не только академических исследований, но и политических дискуссий на злобу дня.

В ритуализованных выступлениях политиков профессор Ильин заменил академика Сахарова и занял в официозном пантеоне его должность совести нации и обладателя ответов на все актуальные вопросы современности.

Эта идеологическая коллизия отразилась на изучении творчества Ильина. Ряд тем, принципиальных для понимания его политической философии, исследователи старательно обходят стороной, видимо, опасаясь перейти грань, отделяющую академическую позицию от конъюнктурной. В частности, слабо исследовано соотношение взглядов Ильина с влиятельными правыми идеологиями его эпохи, особенно, с фашизмом.

Настоящая статья направлена на то, чтобы, хотя бы отчасти, закрыть обозначенный пробел.

Цель статьи – реконструкция теории политического режима в политической философии Ильина и ее соотношения с идеологией и практикой итальянского фашизма, к которому (как и к режимам Франко и Салазара) Ильин долгое время испытывал симпатии. Мы позволим себе не брать во

внимание соотношение взглядов Ильина и нацизма, поскольку в плане истории идей этот вопрос малоинтересен: и без специального исследования очевидно, что во взглядах Ильина нет точек соприкосновения с гитлеровским расизмом, одобрением крайних форм террора и воинствующим язычеством, т. е. с тем, что и составляет специфику нацизма, отделяющую его от других праворадикальных идеологий XX в.

Источниками, на которых будет базироваться наша реконструкция, послужат его поздние работы, изданные в сборнике «Наши задачи», и тексты идеологов итальянского фашизма 20–30-х гг. XX в. (мы будем использовать их английские переводы, в основном авторизованные и официально одобренные Муссолини).

Ильин неоднократно обращается к анализу идеологии и практики фашистских режимов и в своих ранних работах; тем не менее, мы сознательно ограничили круг наших источников статьями наиболее позднего периода его творчества. Выбор в качестве источника «Наших задач» обусловлен стремлением выяснить, какие из элементов политического мировоззрения фашизма оказали влияние на итоговые теоретические построения Ильина, уже имевшего возможность критически рассматривать фашизм в качестве исторического феномена, полу-

чившего полное развитие. В этом отношении они более выгодны, чем статьи 20–30-х гг., несущие на себе отпечаток страстного сочувствия любой антикоммунистической борьбе в духе известных слов Врангеля: «хоть с чертом, но против большевиков!»

Итак, рассмотрим, в первую очередь, социальную и политическую концепцию «Наших задач».

Основа любого общества, по Ильину, – социальное неравенство. Социальный идеал Ильина базируется на понимании общества как иерархически структурированного, функционального, целостного образования, дисфункциональные последствия неравенства игнорируются.

Исходной посылкой этой точки зрения является постулируемый им принцип органицизма, отождествляющего неравенство социальных статусов с функциональным разнообразием частей единого организма: неравенство делает людей «единственными в своем роде и незаменимыми» [Ильин, 1992а. С. 275].

Группы, противодействующие закреплению за ними невыгодного, с их точки зрения, статуса, рассматриваются как деструктивные по отношению к социальной гармонии здорового общества; социальный протест трактуется Ильиным как антисоциальное поведение; участник такого протеста подлежит лишению политических прав, ведь «этот человек не понимает, что такое государство, право, свобода, справедливость, честь, совесть, родина, вера, дух и культура ...ему предоставили судить о праве, а он стал организовывать такие силовые центры, которые хороши только для нажима на весь остальной народ (профессиональные союзы, закулисные заговоры, тоталитарные партии, “Викжель” и т. д.) [Ильин, 1992б. С. 20]. Понятно, что такого рода организации должны быть распущены.

Справедливое, в понимании Ильина, правительство закрепит за социальными стратами некую сумму гарантий в объеме, который сочтет приемлемым. Людям останется признать установившееся положение вещей и не требовать большего.

Политическая система, по Ильину, должна формально закреплять за человеком статус, соответствующий его «естественному рангу»: «если люди от природы не одинаковы, то как же может справедливость требовать, чтобы им предоставляли равные права

и одинаковые творческие возможности» [Ильин, 1992а. С. 185].

Ильин подчеркивает связь политической состоятельности и социального статуса: «участник народоправства должен иметь волевую независимость и гражданское мужество... Легче всего это дается... крестьянину-собственнику, людям “среднего класса”, квалифицированному кадру пролетариата, богатым гражданам». И, наоборот, «обнищавший народ, опустившийся до состояния черни, быстро вырождает и погубит всякое народоправство» [Там же. С. 140].

Чернь должна быть лишена политических прав, несмотря даже на то, что возможность установить формальный, юридический механизм этого ограничения сомнительна. «Лишать права голоса можно только на основании *достоверных, формальных признаков*, а не на основании *сердцеведения: а мы не нашли юридических оснований для того, чтобы отличить чернь от не-черни!*» (курсив наш. – В. М.). – Отвечаю оппонентам: «вы уподобляетесь человеку, который сказал бы: так как я не умею отличать чумную крысу от нечумной, то предлагаю предоставить свободу циркулирования всем крысам, как таковым; или еще: я не знаю достоверных, формальных признаков дифтеритной бактерии; поэтому отвергаю всякую дезинфекцию; и моего сына, заболевшего дифтеритом – не лечу: боюсь огорчить не только дифтеритную палочку, но и какую-нибудь невинную бактерию... Провозгласим же свободу и равенство всех бактерий!!!» [Там же. С. 21].

Процитированный фрагмент примечателен не только шокирующим сравнением людей с крысами и бактериями, но и признанием антиправовой природы ограничения части граждан в политических правах; в «Наших задачах» содержится и более обстоятельная апология антиправовых методов в политике, например, анонимных доносов [Ильин, 1992б. С. 27] или объявления вне закона [Там же. С. 77].

В будущей политической системе избирательных прав должны лишиться «люди с горизонтом деревушки, шалаша, советской землянки, сакли, чума, юрты» [Ильин, 1992а. С. 19] (они, по Ильину, суть «люди, решительно не понимающие государства, его жизни и его интересов; люди, не знающие русского прошлого и не могущие разуместь исторические задачи России»). Не сле-

дует предоставлять избирательные права молодым людям до 25 лет и женщинам – до 30 [Ильин, 1992а. С. 26].

Политический режим описывается Ильиным при помощи понятий «корпорация» и «учреждение».

«Корпорация... состоит из активных полномочных и равноправных деятелей», а «учреждение строится по принципу опеки над заинтересованными людьми... оно не отчитывается перед ними, и органы его не выбираются, а назначаются» [Там же. С. 85].

И корпоративные, и учредительные характеристики государства неустранимы, оно сочетает те и другие признаки. Преобладание первых свойственно демократическому режиму, господство вторых – тоталитарному.

Государство в рамках неогегельянского подхода Ильина трактуется как самосознание национальной идеи, а государственное строительство – как процесс воспитания людей в качестве полноправных граждан через привитие им правосознания и государственной идеи.

В постсоветской России государство сможет быть только учреждением-опекой: советский человек нищ, безграмотен, не способен к принятию самостоятельных решений, лишен элементарной морали. Мы упоминаем это мнение философа не для того, чтобы указать на очевидную несостоятельность его представлений об обстановке в СССР. Эти представления являются по большей части пересказом самых вздорных вымыслов. Чего стоит, например, тезис о том, что «введение демократии в России (1917) ...стоило жизни ста миллионам русских людей» [Ильин, 1992б. С. 269] или такой пассаж в духе маркиза де Кюстина о массовой апатии, которая будто бы существует в СССР: «Протекающая крыша не чинится – ни хозяином... ни колхозом... Горящий двор не заливается, скот из него не выгоняется, крестьяне стоят и – смотрят на огонь» [Ильин, 1992а. С. 220].

Констатация этого мнения Ильина необходима для понимания логики его рассуждений: новой власти необходимо будет строить государство для людей, которые в настоящий момент не могут быть полноправными гражданами, их еще предстоит в этом качестве воспитать.

Решение такой задачи, по Ильину, возможно лишь в условиях режима авторитарной диктатуры, которую он противопоставляет тоталитаризму и расценивает как наиболее надежное средство обуздания «тоталитарно настроенных масс» и политических демагогов.

Первый из институтов этой диктатуры – единоличная власть, не ограниченная какими бы то ни было коллегиальными структурами и *de facto* в минимальной степени ограниченная правом: правитель, например, имеет «право» объявлять вне закона нелояльных режиму граждан.

Для формирования клиентеллы режима предполагается использовать многоступенчатые выборы, которым должен предшествовать отбор «политически-правоспособных» граждан; кроме установленных законом цензов планируется отсеивать «политически-порочных» на основании анонимных доносов. Порядок их подачи и рассмотрения описан Ильиным [1992б. С. 26–27].

В выборах «должны участвовать две стороны – народ и правительство. Обе участвующие стороны имеют право предлагать своих кандидатов ... конкурируя друг с другом в обретении лучших и проверяя друг друга в выделении подлинно достойных людей» [Там же. С. 31].

Для этого списки и выборщиков, и кандидатов должны утверждаться властями, а на каждой ступени выборов представители власти обязаны отбирать *лучшую* половину кандидатов, предложенных «народом», заменяя отведенные кандидатуры *своими* выдвиженцами. Процедура обжалования этих решений Ильиным не предусматривается.

Идея «проверки правительством и народом друг друга» поистине достойна Макиавелли: не трудно подсчитать, что при трехступенчатых выборах у представителей «народа» просто нет шансов пройти на их последнюю ступень, таким образом, под маркой «взаимного контроля» будет реализовываться односторонняя «опека».

Другой институт «творческой демократии» – ее партийная система.

Под партией Ильин подразумевает организацию, противопоставляющую собственные корыстные интересы интересам «общим». Понимаемые таким образом «партии» должны быть упразднены с тем, чтобы дать «национально-мыслящей» диктатуре воз-

можность руководствоваться не классовыми, а «общими» интересами.

Трактовка партии у Ильина не совпадает с принятым сегодня пониманием партии как инструмента участия в политической жизни, безотносительного к степени широты представляемых ею интересов.

Власть «национально мыслящего» диктатора и его единомышленников, которую Ильин противопоставляет власти, реализуемой посредством партийной системы, является классической однопартийной диктатурой.

Декларирование первостепенной значимости национальных, общенародных интересов, вопреки мнению Ильина, не отличает такую группу от партии, а, наоборот, является существенным признаком партийной программы в однопартийной системе (ср., например, с рассуждениями П. Горголини о фашистской партии: «знамя фашизма представляет не партию, оно есть символ духовного сопротивления буре, символ высших сил нации» [Gorgolini, 1923. P. 95]).

Сверхзадачи системы, спроектированной Ильиным, в его собственном понимании, – преодоление тоталитаризма, установление социальной справедливости и решение стоящих перед Россией общенациональных и цивилизационных задач.

Решения, предложенные Ильиным, не соответствовали, на наш взгляд, ни одной из этих задач.

Политические институты, описанные в «Наших задачах», по своему существу не отличаются от аналогичных институтов правого тоталитаризма 20–30-х гг. XX в.

Выборы в системе, предложенной Ильиным, являются процедурой кооптации клиентеллы и инструментом манипуляции настроениями граждан в интересах правящей группы, которая реализует свое видение общенациональных интересов.

Программа избирательного законодательства в «Наших задачах» в главных чертах совпадает с реализованной Муссолини в 20-х гг. (ср.: [Schmidt, 1939. P. 59]) и в сравнении с ней даже усиливает манипулятивные аспекты выборов (вводит не существовавшие в Италии цензы, многоступенчатость, легально использует анонимные доносы).

Не существует и принципиальных различий между правовым (точнее, внеправовым) статусом института единоличной власти в

программе Ильина и в тоталитарных диктатурах. Все известные истории тоталитарные режимы декларировали правовой характер своей власти, но исключали при этом всякую возможность правового контроля ее действий. Это же планируется и в «Наших задачах», где самая возможность противодействия власти или разделения ее на контролируемые друг друга ветви подвергается осуждению, как нечто, разрушающее государственность как таковую [Ильин, 1992а. С. 312].

Совпадает с идеологией и практикой тоталитарных режимов и идея воспитывающей диктатуры – горького, но необходимого лекарства для несознательных масс, с которыми при выборе средств воспитания не стоит слишком церемониться: «сам не имея зрелого волевого характера, русский человек требует воли от своего правителя. Он предпочитает окрик, строгость, твердость – уговариванью, “дискуссиям” и колебаниям; он предпочитает даже самоуправство – волевому ничтожеству. Ему необходима императивная убедительность власти» [Там же. С. 319]. Возможность воспитания такими средствами всеобщей христианской любви – декларируется именно эта цель – как минимум сомнительна. Подобная социальная педагогика зато прекрасно годится для формирования безусловной преданности, основанной на единомыслии воспитанника и воспитателя. В этом прекрасно отдавал себе отчет, например, Дж. Джентиле, анализируя проблему «основной антиномии воспитания» [Gentile, 1923. P. 40], т. е., в его понимании, противоречия между целью педагога – благом и свободой воспитанника – и его средствами, среди которых, в частности, возможность нарушать свободу воспитанника и применять по отношению к нему силу. В рамках этой статьи мы не имеем возможности коснуться соотношения социально-педагогических взглядов Ильина и Джентиле подробнее, укажем лишь на то, что их идеи весьма созвучны (ср. с [Gentile, 1923. P. 43–44]).

Ильин напоминает: «важнее всего, чтобы сильная власть верно соблюдала меру своего проявления» [Ильин, 1992а. С. 322]. Но гарантии такой меры у него нет – ведь его система устраняет разделение властей, партийную конкуренцию, легальные формы социального протеста и не предусматривает ничего взамен, кроме всеобщей помощи

любому правителю, даже негодному или бездарному «во имя чести, во имя совести, во имя патриотизма» [Там же. С. 278].

В социологическом плане «Наши задачи» – это программа диктатуры частного собственника, которому предоставлено право действовать от имени всей нации ради неких надклассовых интересов, которые недоступны пониманию большинства. Приведенные выше рассуждения Ильина об этом предмете совпадают с аргументацией идеологов итальянского фашизма.

Собственникам даются политические привилегии лишь по той причине, что они лучше готовы нести социальную ответственность в ситуации, когда коммунизм «привил рабочим классам дух недисциплинированности и анархии, нелюбви к работе и упорную ненависть к другим общественным классам» [Gorgolini, 1923. P. 46]. Таким образом, прежнее представление о справедливости как равенстве себя дискредитировало, и новый строй «противостоит программе справедливости и братства, мира и солидарности, выдвигая идею постепенного подъема людей через плодотворное личное и классовое сотрудничество, в котором права и чаяния всех найдут свой выход, спасение и удовлетворение. Глупо обвинять его («новый строй». – В. М.) в том, что он пытается ограбить пролетариат» [Ibid. P. 48–49] (ср. также с [Россо, 1984]; см. особенно главу «The Problems of Liberty, of Government, and of Social Justice in the Political Doctrine of Fascism»). На практике «классовое сотрудничество» оказалось, по меткому замечанию К. Т. Шмидта, сродни сотрудничеству лошади и наездника и привело к систематическому снижению заработной платы, росту налогов для физических лиц, поддержке бизнеса за счет этих налогов, перераспределенных через бюджет посредством военного заказа и прямых субсидий, экспроприации фондов социального страхования для этих же целей и т. п. [Schmidt, 1939. P. 75–97; 115–137].

Ильин на абстрактном уровне признавал наличие этой олигархической опасности, но для обуздания appetitов собственника предложил лишь меры нравственного воздействия: «организация общественного мнения», воспитание «живого чувства справедливости» и «органической христианской доброты сердца». Меры же принудительного характера в этом вопросе применяться не

могут, ибо «чувство справедливости нельзя ввести законом» [Ильин, 1992а. С. 40] – во всяком случае, для собственников, ибо эгоизму прочих, как мы помним, вполне можно противопоставить «окрик, строгость, твердость... даже самоуправство». В этом вопросе Ильин не вышел за пределы идей, высказанных в свое время итальянскими идеологами «корпоративного государства», которые думали воспитать буржуазию в духе «гармонии и человеческой солидарности, свободы и дисциплины, права и долга» [Gorgolini, 1923. P. 45] или высказывались в более общей форме о воспитании духовного надклассового единства нации при сохранении прежней социальной структуры [Mussolini, 1984].

В политико-институциональном и в социологическом отношении политическая доктрина «Наших задач» близка к политической идеологии и практике итальянского фашизма.

Правда, следует оговориться, что неправомерным было бы и *полное* отождествление политической программы «Наших задач» и идеологии итальянского фашизма.

Против такого отождествления говорят, во-первых, различия в представлениях о насилии. Для Ильина не столь характерен культ силы, без которого невозможно представить фашизм, не характерно для него и признание второстепенной ценности человеческой жизни в сравнении с государством – в «Наших задачах» мы не наблюдаем подобных идей, тогда как тема морального самоограничения и гуманности верховной власти звучит там явственно. Хотя точности ради надо сказать и то, что это самоограничение не исключает, например, предложенную Ильиным практику объявления вне закона.

Нельзя также сбрасывать со счетов и еще один факт – многочисленные указания «Наших задач» на бредовый характер замыслов фашистских режимов и на преступность их практики. Осознанием всего этого, по Ильину, должен руководствоваться будущий политический класс.

Наконец, главное и фундаментальное различие состоит в статусе идей муссолиниевских пропагандистов и Ильина. Итальянский фашизм под видом декларируемых им ценностей «подлинной справедливости», надклассового братства и единения создавал режим олигархической диктатуры. Его

идеология была инструментом социальной демагогии. Концепции Ильина лишены такого инструментального характера; мотивы, которыми он руководствовался, создавая их, разумеется, не имели в виду цели демагогической массовой пропаганды. Его мотивы состояли в выявлении основ строя, который наилучшим образом подходил бы России в ситуации прогнозируемого им неизбежного кризиса и распада советской системы. Этот строй должен был преодолеть «тоталитарный соблазн» и установить подлинно справедливое общество.

Предложенная им утопия, в силу ее близости к муссолиниевской политической программе, при практической реализации не могла иметь иных последствий, кроме создания тоталитарной олигархической диктатуры, исключая самую возможность надклассового единения общества, справедливости и прочих сформулированных Ильиным идеалов.

Список литературы

Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи. 1948–1954 гг.: В 2 т. М.: МП Парог, 1992а. Т. 1. 344 с.

Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи. 1948–1954 гг.: В 2 т. М.: МП Парог, 1992б. Т. 2. 272 с.

Gentile G. The Reform of Education / Transl. by D. Bigongiari. With introduction by B. Croce. L.: Benn Brothers, Ltd. 1923.

Gorgolini P. The Fascist Movement in Italian Life / With preface by S. E. Benito Mussolini translated and edited with Introduction by M. D. Petre. L.: T. FISHER UNWIN Ltd., 1923.

Mussolini B. The Doctrine of Fascism // Readings on Fascism and National Socialism. Athens, OH: Swallow Press, 1984.

Rocco A. Political Doctrine of Fascism // Readings on Fascism and National Socialism. Athens, OH: Swallow Press, 1984.

Schmidt C. T. The Corporate State in Action. Italy Under Fascism. Univ. Press. N. Y.; Toronto; Oxford, 1939.

Материал поступил в редколлегию 03.09.2009

V. V. Marhinin

THEORY OF POLITICAL REGIME BY LATE IL'IN «NASHI ZADACHI» (ON THE INFLUENCE OF FASCIST IDEOLOGY ON IL'IN'S THEORIES)

In spite of the fact, that Il'in sympathized ideologies and practical policy of some fascist regimes of early XX is well-known, the influence of fascism on Il'ins political philosophy is still unresearched. The article brings the analysis of those influence, based on Il'ins late works and the writings of fascist ideologists.

Keywords: political philosophy, conservatism, corporatism, fascism, political system, social and political inequality, democracy, dictatorship.